

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЙ ПОЭТИКЕ И. А. БУНИНА

Т. М. Двинятина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Поступила в редакцию 16 апреля 2014 г.

Аннотация: Предметом рассмотрения в настоящей статье является особенность интертекстуальной поэтики И. А. Бунина, до сих пор не привлекавшая внимания исследователей. Она заключается в том, что в одном стихотворении поэт совмещает отсылки, относящиеся к разным историко-культурным и стилистическим традициям, одна из которых оказывается ведущей, «главной», а другая (или другие), как правило, неожиданно дополняют и расширяют подтекст стихотворения. Эта характерная черта зрелой поэтики Бунина рассматривается на примере стихотворений, которые прямо соотносятся с основами его поэтического мировидения и являются эмблематическими для всего его творчества («Джордано Бруно», «Художник», «Завет Саади» и др.).
Ключевые слова: поэзия, И. А. Бунин (1870–1953), интертекстуальная поэтика, подтекст, семантика текста, источники, комментарий

Abstract: The article studies I. A. Bunin's intertextual poetics. It presupposes combining in one poem references that relate to different historical, cultural and stylistic traditions, one of which is leading, and other references usually complement and extend the subtext of the poem. This feature of Bunin's mature poetics is considered through the poems most characteristic of his creative activity ("Giordano Bruno", "Artist", "Saadi Testament," etc.).

Key words: poetry, I. A. Bunin (1870–1953), intertextual poetics, the subtext, text semantics, the sources, commentary

Интертекстуальные связи в творчестве любого поэта имеют прежде всего семантическое значение. Они служат смысловому насыщению и углублению заимствующего текста за счет подключения новых смыслов (потенциально – всех смыслов) из текста-источника и традиции, им представляемой (авторской, тематической, жанровой и т. д.). Благодаря этому интертекстуальность становится важным фактом культурной самоидентификации поэта и ее манифестации. В семантике текста интертекст обычно относится к области неявных смыслов, которые вступают во взаимодействие с очевидной семантикой, дополняя ее, углубляя или же парадоксально осмысливая.

Интертекстуальные связи поэзии Бунина, особенно ранней, изучались неоднократно (см. работы Т.Г. Динесман, Э.И. Денисовой, Я.С. Марковича и др.) и как будто полностью укладываются в привычные историко-литературные ситуации «ученичества» и «продолжения традиции». Иначе говоря, заимствование оказывается или фактом обогащения собственной поэтической системы за счет подключения близких и разработанных фрагментов системы поэта-предшественника, или неким символическим выражением ориентации на его художественный мир и поэтическую систему.

В 1900–1910-е годы интертекстуальная составляющая поэзии Бунина становится и сложнее, и парадоксальнее. Она включает в себя заимствования не только из чтимых Буниным поэтов прошлого, но и из современников, отношение к которым либо менялось со временем (Бальмонт), либо было изначально отталкивающим (Блок). Тематика стихотворения уже не определяет круг возможных текстов-источников, и порой метрико-строфические и / или лексико-фразеологические, а не образно-тематические характеристики становятся «проводниками» чужого текста в бунинский. Наконец, все более укрепляется такой тип заимствования, при котором Бунин отсылает не к одному, а сразу к двум (или более) параллельным источникам, относящимся, вполне возможно, к совершенно разным историческим, культурным и стилистическим традициям. Чаще всего один из них оказывается главным, ведущим, а другой (или другие), скорее, вспомогательным, но заметно расширяющим семантическое поле стихотворения. О таком типе заимствования и будет идти речь в этой статье.

Собственно, опору не на один, а на несколько текстов-предшественников мы находим и в юношеских стихах Бунина. Так, в стихотворении «Подражание Пушкину» (1890) сливаются лирические сюжеты (1) бегства из «праздного» мира в «приют спо-

койствия, трудов и вдохновенья» и (2) возвращения (пусть, как в «Погасло дневное светило...», воображаемого, мысленного) из нынешнего / недавнего мира в давний, родной. Вызван ли тот или другой «побег» приливом воспоминаний, поэтическим подъемом или осознанием своего призвания, уже не столь важно, и Бунин объединяет и сюжеты, и цитаты из разных стихотворений:

Пушкин
«Погасло дневное светило...» (1820):
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений <...>

«Поэт» (1827):
Бежит он, дикий и суровый,
В широкошумные дубровы...

Бунин
Я одинок бежал в поля мои родные
Я одинок бежал в поля мои родные,
<...> под сень моих дубрав

Пушкин
«Воспоминания в Царском Селе» (1829):
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
<...>
В бесплодном вихре суеты
<...> долго я блуждал

Бунин
Я странником вступил под сень моих дубрав,
Под их навесы вековые <...>
<...> от суетных забав <...>

Пушкин
«В часы забав иль праздной скуки...» (1830):
В часы забав иль праздной скуки...

Бунин
От праздности и лжи, от суетных забав...
[1, т. 1, с. 128-129]

И это, по справедливому замечанию, Т. Г. Динесман, не стилизация [2, 136]: тут нет отстранения авторского «я» от того мира, в котором он черпает вдохновение и с которым хочет слиться. Не только «обетованному отеческому краю», но и поэтической традиции, освященной именем Пушкина, молодой поэт приносит отнюдь не «остаток», а прилив своих «гордых сил». Важное отличие такого многократно цитирования от того типа заимствования, который был усвоен Буниным позже, в том, что все источники имеют один «поэтический адрес», к тому же в данном случае вынесенный прямо в заглавие.

В принципе, тот же тип заимствования мы видим в другом бунинском стихотворении «Цыганка»

(1889, <1919>), которое продолжает традицию одноименных стихотворений А. И. Полежаева («Цыганка», <1833>) и А.А. Фета («Цыганке», <1844>). Все три стихотворения предлагают портрет «ваханки» с традиционными для нее мотивами свободы, прельщения, игры, любовного «яда» и восточного аромата, и все три написаны четырехстопным хореем, имеющего, как показал М.Л. Гаспаров, народнопоэтические истоки [3, 21-31]. Бунин адресует к двум разным текстам пусть не одного автора, но одной традиции, и его собственный текст становится ее частью, и примеры такого рода можно было бы легко умножить.

Новый тип заимствования появляется в стихах Бунина в начале 1900-х годов. Кажется, первым его отметил Ф. Батюшков. В обзоре «Новые побеги русской поэзии», обращаясь к стихам Бунина, и в частности, к стихотворению «Закат» (1901), он писал, что «довольно смело начать со стиха, заставляющего вспомнить Лермонтова, в легкой перифразе:

За все Тебя, Господь, благодарю!
и закончить настроением Леконта де Лиля и парнасцев:

И есть отрада сладкая в сознанье,
Что я один в безмолвном созерцанье,
Что всем я чужд и говорю – с Тобой!» [5, 12].

С этих пор сочетание источников, которые отделены друг от друга значительным историко-культурным расстоянием, – устойчивая черта бунинской поэтики.

В том же 1901 году, затем дважды в 1905, Бунин создает поэтические переложения отдельных фрагментов Апокалипсиса: «Из Апокалипсиса. Глава IV», «День гнева. Апокалипсис, VI», «Сын Человеческий. Апокалипсис, I». Вполне возможно, что, помимо заявленных в названиях источников, на выбор и обработку темы в значительной степени повлиял опыт А.Н. Майкова, который выполнил поэтический перевод нескольких глав последней книги Нового Завета («Из Апокалипсиса», главы IV-X; <1868>), и А.А. Фета, который дал поэтическую трактовку фрагмента из той же четвертой главы Апокалипсиса в стихотворении «Аваддон» («Ангел, и лев, и телец, и орел...», <1883>). Во всяком случае, известно, что и Майков, и Фет были постоянным чтением Бунина в эти годы, именно (и только) их на его рабочем столе в Огневке запомнил двоюродный племянник Бунина Н.А. Пушешников [4, 77]. (До них поэтическое переложение Откровения Иоанна Богослова создал В. А. Жуковский, однако его произведение было полностью опубликовано в 1885 году, уже после того, как Майков и Фет создали свои [5]. Подробное сопоставление всех четырех переводов см. в работе И.Ю. Барышниковой [6].)

Подкреплением священного текста в данном случае выступают тексты близкой Бунину традиции. В другом случае – стихотворения «Стой, солнце!»

(13 февраля 1916) – эксплицированный ветхозаветный источник (книга Иисуса Навина, гл. 10, ст. 12-13) оттеняется неочевидным, но несомненным лексикоритмическим заимствованием из стихотворения нелюбимого Буниным Блока, а именно первого стихотворения из его цикла «На поле Куликовом» («Река раскинулась. Течет, грустит уныло...»; 1906). Подробная «карта» сопоставлений приведена в [7].

В 1906 году Бунин пишет одно из ключевых своих стихотворений, «Джордано Бруно». Оно представляет собой монолог героя (Giordano Bruno; 1548 – 1600), итальянского монаха-доминиканца, философа-пантеиста, поэта и астронома, перед смертью вспоминающего важнейшие вехи своей биографии. Первая строфа

Ковчег под предводительством осла –
Вот мир людей. Живите во Вселенной.
Земля – вертеп обмана, лжи и зла.
Живите красотой неизменной

– ясная отсылка к раннему сочинению Дж. Бруно «Ноев ковчег», написанному им в период разрыва с церковными догматами, трактату о человеческом обществе: звери изображают людей, и всем правит осел – сами боги вручили ему кормило спасительного судна.

Ни бездне бездн, ни жизни грани нет.
Мы остановим солнце Птолемея –
И вихрь миров, несметный сонм планет,
Пред нами развернется, пламенея!

– квинтэссенция учения Дж. Бруно, который отверг учение Птолемея (II в.). Согласно Птолемею, движение небесных светил объяснялось их движением вокруг неподвижного центра – Земли. Бруно предложил новую модель космического движения: она говорила о бесконечности вселенной и существовании в ней многих миров и многих планет, подобных Солнцу. Движущей и одухотворяющей силой вселенной называлась единая мировая душа. В учении Платона и позднеантичном неоплатонизме (а Дж. Бруно был неоплатоником) понятием, выражающим мировую душу, было понятие *софия*, поэтому и в стихотворении Бунина Бруно говорит:

Я только твой, познание – софия!

Как известно, католическая церковь объявила идеи Дж. Бруно еретическими, и после суда инквизиции он был сожжен на костре 17 февраля 1600 года в Риме на *campo dei Fiori* (площади Цветов), и пепел его был развеян по ветру. Последними словами Дж. Бруно были: «Я умираю мучеником добровольно и знаю, что моя душа с последним вздохом вознесется в рай». Ср. у Бунина:

Я умираю – ибо так хочу:
Развей, палач, развей мой прах, презренный!
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу!
Он мысль мою развеет по Вселенной!

Очевидно, что у этого стихотворения Бунина должны были быть книжные источники. Вполне

вероятно, что ими были книги Н. Я. Грота «Джордано Бруно и пантеизм» (Одесса, 1885), А. Рия «Джордано Бруно» (пер. со 2-го, вновь обраб. нем. изд. СПб., 1903), или, скорее всего (судя по точности совпадений), биографический очерк Ю. М. Антоновского «Джордано Бруно. Его жизнь и научно-философская деятельность» (СПб., 1891). В последнем издании подробно описывается, в частности, история памятника Дж. Бруно, установленного 9 июня 1889 года. Надпись на нем: «IX июня MDCCLXXXIX / Джордано Бруно / от столетия, которое он предвидел, / на том месте, где был зажжен костер» помогает понять курсивом набранное у Бунина

Умерший в рабский век

Бессмертием венчается в свободном! [2, т. 2, с. 29-30]

В связи с этим можно вспомнить также слова Гаспара Шоппа, единственного из современников, оставившего описание суда и казни, из письма к другу К. Риттергаузену сразу после гибели Дж. Бруно: «Смерть в одном столетии делает мыслителя бессмертным для будущих веков», – они также приводятся в издании Ю. М. Антоновского [9, 78].

Но вместе с тем, речь Дж. Бруно, выражающая *credo* героя – а оно в значительной степени совпадает с *credo* самого Бунина – имеет еще один, по крайней мере, риторический источник. Последние слова Дж. Бруно в стихотворении не только фиксируют реальные слова, сказанные им перед сожжением, но и отсылают к сонету К. Д. Бальмонта «Скорпион» (1899), с которым текст Бунина и ситуацию, в нем описанную, роднит и образ огненного кольца, внутри которого находится лирический герой:

Я окружён огнём кольцеобразным,
Он близится, я к смерти присуждён, –
За то, что я родился безобразным,
За то, что я зловещий скорпион.

Мои враги глядят со всех сторон,
Кошмаром роковым и неотвязным, –
Нет выхода, я смертью окружён,
Я пламенем стеснён многообразным.

Но вот, хоть всё ужасней для меня
Дыханья неотступного огня,
Одним порывом полон я, безбольным.

Я гибну. Пусть. Я вызов шлю судьбе.
Я смерть свою нашёл в самом себе.
Я гибну скорпионом – гордым, вольным.

Надо сказать, что это не единственный случай цитирования Буниным Бальмонта. Стихотворения, написанные Бальмонтом в 1899 году, в пору наибольшего сближения с Буниным, и вошедшие затем в сборник «Горящие здания» (1900), несколько раз отзываются в созданных Буниным спустя несколько лет (когда от былой дружбы не осталось и следа)

стихах. Так, тот же «Скорпион» отразится в сходном бунинском монологе «Змея» («Покуда март гудит в лесу по голым...», 1905). Другое стихотворение Бальмонта, «Жизнь» («Жизнь – отражение лунного света в воде, / Сфера, чей центр – повсюду, окружность – нигде...», <1899>) не только передаст свое название стихотворению Бунина (см. «Жизнь» («Набегает впотьмах...»), <1904–1905>), но и выразит мироощущение, пришедшее к Бунину от Л.Н. Толстого. В своем позднем дневнике Л.Н. Толстой процитировал Паскаля: «...Да, le monde est une sphère dont le centre partout et la circonférence nulle part», т. е. «мир – это шар, центр которого – везде, а окружность – нигде» [10, 22], и, как убедительно показала О. В. Сливичкая [11, 15 и др.], это отсутствие единого центра оказалось определяющим в мировоззрении не только Толстого, но и самого Бунина. Новым в этих сходящихся к Бунину линиях оказывается, пожалуй, только имя Бальмонта...

Парадоксальность «источника второго порядка» находим и в бунинском стихотворении «Художник» (1908). В нем отражен образ А.П. Чехова, и прозаическими параллелями к нему служит ряд отрывков из последней неоконченной книги Бунина «О Чехове» (1953); об этом подробно [12]. Стихотворение заканчивается репликой «художника»: «Да-с, водевиль. Всё прочее есть гиль». Эффект неожиданности от соединения Чехова и «водевиля», да еще в позиции пуанта – и в контексте близкой смерти, несколько смягчится, если вспомнить, что водевили были постоянной темой в разговорах Чехова с Буниным. Когда речь шла о «Тамани» Лермонтова, Чехов восхищенно говорил: «Вот бы написать такую вещь да еще водевиль хороший, тогда бы и умереть можно!» [13, 55] Когда по утрам они, сидя в чеховском кабинете, просматривали газеты, Чехов предлагал: «Давайте газеты читать и выуживать из провинциальной хроники темы для драм и водевилей» [13, 109]. Когда Чехов думал о будущих пьесах, то признавался (в письме к О.Л. Книппер, 22 апреля 1901 года): «Минутами на меня находит сильнейшее желание написать для Художественного театра 4-актный водевиль или комедию» [13, 77]. Однако в стихотворении Бунина «художник» произносит не свой текст (по крайней мере, этот вариант в воспоминаниях Бунина не зафиксирован), а повторяет реплику Репетилова из «Горе от ума»: «Да! Водевиль есть вещь, а прочее все – гиль» [14, 88]. Таким образом, неожиданный для читателя «водевиль» оказывается вполне привычным сознанию поэтического героя, а непротиворечивость «высокого» и «низкого» стилей – общей чертой в мироощущении как Чехова, так и Бунина.

Еще одним «зеркалом», в котором Бунин находил общие своему мировоззрению черты, был Саади, персидский поэт XII–XIII вв., книги которого Бунин всегда брал с собой в поездки на Восток и не раз

цитировал в своих сочинениях и письмах [15, т. 3, с. 200, 314, 315, 333; т. 9, с. 234, 268; 16, с. 147, 150; 17, с. 42, 266]. Как философия Дж. Бруно, как жизненная и писательская позиция Чехова, так и поэтическое мировосприятие и сам жизненный путь Саади были во многом образцом для Бунина. «Он высоко ценил этого поэта, мудреца и путешественника, “усладительнейшего из писателей”. “Родившись, употребил он тридцать лет на приобретение познаний; тридцать – на странствования и тридцать – на размышления...”», – последняя фраза из воспоминаний В.Н. Муромцевой-Буниной [18, 226], судя по всему, не раз повторявшаяся Буниным, является отголоском из предисловия О. Назарианца к русскому изданию «Гулистана», в котором читаем: «Поэт наш <...> тридцать лет жизни посвятил своему воспитанию, тридцать лет провел в путешествиях и столько же прожил в уединении и умер старцем лет ста двух» [19, VIII]. В мемуарах В.Н. Муромцевой-Буниной находим и такое свидетельство: «Жизнь его восхищает Яна. Он не говорит, но я чувствую, что и ему хотелось бы совершить подобный жизненный путь» [18, 306]. Бунин перевел несколько фрагментов поэмы Саади «Гулистан» (опубликованы в газ. «Русское слово». 1913, 29 сентября, № 224), но только один из них, «Завет Саади», он включал затем в свои авторские книги:

Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь

Стволом кипариса, прямым и простым – благородным. [1, т. 2, с. 96]

По словам К. Чуковского, в этом стихотворении виден «трудный завет» самого Бунина, который «скуп» в изъявлении чувств: «Красота его лучших стихов не назойлива, лишена внешней эффектности. Он в высшей степени не публичный поэт» [20, 98]. Вместе с тем бунинское двустишие является парфразой изречения, вошедшего в 8-ю главу «Гулистана» «Об искусстве обращения». В переводе О. Назарианца, по которому он и был известен Бунину: «Если можешь, будь благотворителен, как пальма, но если это превышает твои силы, будь свободен, как кипарис!» [19, 173]. Однако кроме этого источника, Бунину мог быть известен и перевод того же фрагмента Саади К.Н. Батюшковым, который, в свою очередь, мог знать Саади по французским или, скорее, немецким переложениям [21, 226–228]. Без указания на источник Батюшков включил этот перевод третьим в цикл «Подражания древним» (1821), но Бунин, знакомый с переводом Назарианца, легко мог разгадать, откуда пришли к Батюшкову эти строки:

Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден –
Но свеж и зелен он всегда.

Не можешь, гражданин, как пальма, дать плода?
Так буди с кипарисом сходен:

Как он, уединен, осанист и свободен.

Если представить себе, что от первой поездки на Восток, когда Бунин взял с собой «Розовый кустарник» (весна 1907 года) [18, 306], до момента, когда он стал переводить Саади (лето 1913 года), прошло более шести лет, то текст Батюшкова вполне мог оказаться тем «посредником», встретившись с которым Бунин мог вспомнить о прочитанном, заодно дополнив свой перевод переводом других отрывков из общего источника.

В другой раз уже текст Саади оказывается возможным дополнительным источником – для стихотворения «Завеса» (8 августа 1912):

Так говорит Господь: «Когда, Мой раб любимый,
Читаешь ты Коран среди врагов Моих,
Я разделяю вас завесою незримой,
Зане смешон врагам Мой сладкозвучный стих».

И сокровенных чувств, и тайных мыслей много
От вас я утаил. Никто моих путей,
Никто моей души не знает, кроме Бога:

Он Сам нас разделил завесою своей. [1, т. 2, с. 91]

О «завесе» (или «пелене»), заслоняющей сердце, слух и взоры не уверовавших в Аллаха, говорится в Коране (*Коран* 2 : 6, 17 : 47-48). Но и в самом начале перевода «Гулистана» Саади читаем: «Он <Творец>, за позорные грехи, не раздирает завесы, прикрывающей стыд своих рабов, и, за порок непризнательности, не лишает их насущного хлеба» [19, 1]. Любопытно, что образ и этого стихотворения оказался применен к творчеству Бунина в целом. А. Дерман, предпочитавший стихи Бунина его прозе, счел, что строфа II «скорее относится к прозе г. Бунина, нежели к его поэзии: между читателем и прозой г. Бунина, действительно, непроницаемая завеса, но та же завеса столько раз просвечивает ценным светом его поэтического сияния» [22, 357].

Начав разговор о совмещении Буниным в одном стихотворении отсылку к разным источникам и разным культурным и стилистическим традициям, мы остановились, главным образом, на тех текстах, которые являются эмблематическими для творчества Бунина или прямо соотносятся с основами его поэтического мировидения. Очевидно, что замеченная особенность творческого метода Бунина может быть спроецирована и рассмотрена на значительно более широком круге его стихотворений. Эта задача выходит, однако, далеко за рамки одной статьи, целью которой было, собственно, обозначить важность этой нетривиальной особенности для понимания с годами все более усложнявшейся поэтики одного из самых «прямых» и «простых» (см. «Завет Саади») поэтов конца XIX–XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Стихотворения : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. – СПб. : Издательство Пушкинского Дома : Вита Нова, 2014. В дальней-

шем стихотворения Бунина цитируются и датируются по этому изданию, с указанием тома и страницы.

Динесман Т.Г. По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина / Т.Г. Динесман // Иван Бунин: [сб. материалов]: в 2 кн. – Кн. 2. – М. : Наука, 1973. (Лит. наследство; Т. 84). С. 121–138.

2. Гаспаров М.Л. Метр и смысл : Об одном из механизмов культурной памяти / М.Л. Гаспаров. – М., 1999.

3. Батюшков Ф.Д. Новые побеги русской поэзии / Ф.Д. Батюшков // Мир Божий. – 1903. – № 10, отд. II. – С. 1–21.

4. Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание / А.К. Бабореко. – М. : Молодая гвардия, 2004. – 457 с.

5. Барышникова И.Ю. Роль христианской символики в поэтическом описании сидящего на престоле Творца (Откр. 4, 2–11) (на примере произведений В.А. Жуковского, А.Н. Майкова, И. А. Бунина, А.А. Фета) / И.Ю. Барышникова. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2012/philology/baryshnikova.pdf>

6. Двинятина Т.М. К изучению интертекстуальных связей поэзии И. Бунина 1910-х годов / Т. М. Двинятина, Ф.Н. Двинятин // Филологические записки. Воронеж, 1997. – Вып. 8. – С. 83–92.

7. Странствующий жид. Предсмертное произведение Жуковского, по рукописи поэта / изд. и вступ. ст. С.И. Пономарева. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1885. – 112 с.

8. Антоновский Ю. М. Джордано Бруно. Его жизнь и научно-философская деятельность. / Ю. М. Антоновский. – СПб., 1891. 80 с.

9. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л.Н. Толстой. – Т. 57. М. ; Л., 1952. – 439 с.

10. Сливичкая О. В. «Повышенное чувство жизни» : Мир Ивана Бунина / О. В. Сливичкая. – М. : РГГУ, 2004. – 270 с.

11. Двинятина Т.М. А.П. Чехов в лирике И.А. Бунина : «художник» и «поэт» / Т.М. Двинятина // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья : сб. ст. и материалов: (Памяти Л.А. Иезуитовой : К 80-летию со дня рождения). – СПб. : Петрополис, 2010. – С. 452–464.

12. Бунин И.А. О Чехове : незаконч. рукопись / И.А. Бунин. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. – 412 с.

13. Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. : в 3 т. / А.С. Грибоедов ; под ред. Н.К. Пиксанова. – Т. 2. – СПб., 1913. – 360 с.

14. Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. / И.А. Бунин ; под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. – М. : Худож. литература, 1965–1967 (с указанием тома).

15. Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / И.А. Бунин ; под общ. ред. О.Н. Михайлова ; отв. ред. С.Н. Морозов ; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М. : ИМЛИ РАН, 2007. – 832 с.

16. Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / И.А. Бунин ; под общ. ред. О.Н. Михайлова ; вступ. ст. О.Н. Михайлова ; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. – М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. – 640 с.

17. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / В.Н. Муромцева-Бунина ; вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. – М. : Вагриус, 2007. – 512 с.

18. Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади ширазского, славный под названием Гулистан / пер. с перс. О. Назарианца. – М., 1857. – XX, 174 с.

19. Чуковский К. Ранний Бунин (1914) / К. Чуковский // Чуковский К.И. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 6. – М., 1969. – С. 91–116.

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук*

Двинятина Т. М., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: tim126@yandex.ru

20. Лямина Е.Э. К интерпретации «Подражаний древним» К.Н. Батюшкова // А. М. П. Памяти А.М.Пескова / Е.Э. Лямина. – М. : РГГУ, 2013. – С. 222–238.

21. Б. п. <Дерман А.> [Рец. на кн.: Бунин И. А. Иоанн Рыдалец. Стихи и рассказы 1912–1913 гг. М., 1913] / А. Дерман // ж. «Русское богатство». – 1914. – № 2. – С. 354–357.

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the
Russian Academy of Sciences*

Dvinyatina T. M., Candidate of Philology, Senior Research Assistant

E-mail: tim126@yandex.ru